

ПИСЬМО ВЪ редакцію.

М. г., г. редакторъ!

Прошу васъ дать мѣсто на страницахъ вашей газеты слѣдующему моему письму.

Во многихъ газетахъ появилось коллективное письмо нѣсколькихъ артистовъ и состоявшаго при театрѣ Коммиссаржевской г. Евреинова съ выраженіемъ протеста противъ моей книги, — „Коммиссаржевская въ жизни и на сценѣ“.

Нѣсколько раньше было напечатано въ одной изъ московскихъ газетъ съ такою же цѣлью письмо артиста г. Ставрогина.

Появленіе коллективнаго письма по существу своему есть документальное доказательство ведущейся кѣмъ-то агитаціи: кто-то составляетъ письма и собираетъ подъ ними подписи.

Обстоятельство это можетъ радовать издателя моей книги, но меня лично огорчаетъ. И не потому огорчаетъ, что я являюсь предметомъ нападокъ, а потому, что снова вокругъ имени Вѣры Федоровны подымается шумъ; потому еще, что агитаторъ или агитаторы не постѣснялись втянуть въ эту шумиху даже имя матери Вѣры Федоровны. Не такъ ужъ много на свѣтѣ наивныхъ людей, чтобы не понять, что письмо Маріи Николаевны Коммиссаржевской, появившееся въ „Рѣчи“, кѣмъ-то, но только не ею, составлено.

Что по существу заключаетъ въ себѣ протестъ, рожденный агитаціею? Разберемъ.

Говорятъ: „мы глубоко возмущены грубыми, непозволительными ошибками, которыя допустили въ своей книгѣ г. Туркинъ въ главѣ „Болѣзнь и смерть““.

Вся эта глава отъ слова до слова передаетъ рассказы г. Рудина и г. Аркадьева. Это печаталось раньше въ газетахъ. Если близко стоявшіе къ Вѣрѣ Федоровнѣ люди не вѣрно передали что-либо, то гдѣ же раньше были гг. протестующіе теперь, почему они молчали въ свое время? Этого мало. Вся глава „Болѣзнь и смерть“ весьма незначительную роль играетъ въ моей книгѣ. Я, вѣдь, не біографію писалъ, а, какъ указываетъ заглавіе книги, рисовалъ характеръ Вѣры Федоровны, какъ артистки и человѣка. Изъ писемъ Вѣры Фео-

ровны я взялъ только то, что имѣло прямое отношеніе къ моей темѣ.

Говорятъ далѣе, что тонъ моей книги недостойнъ духовнаго облика Вѣры Федоровны.

Представляю самой книгѣ моей возражать на подобное обвиненіе.

Письмо г. Ставрогина, забѣжавшаго впередъ коллективнаго письма, раскрываетъ намъ всю подкладку поднятой агитаціи. И вотъ она дѣйствительно недостойна облика Вѣры Федоровны.

Г. Ставрогинъ начинаетъ свое письмо съ оповѣщенія, что готовится сборникъ, а кончаетъ увѣреніемъ, что въ сборникѣ все будетъ изложено подробнѣе и лучше, чѣмъ въ книгѣ Туркина.

На свѣжей могилѣ артистки г. Евреиновъ сводилъ счеты съ своими литературными врагами (Ю. Д. Вѣляевымъ). Это было нетактично, это обличало недостатокъ уваженія въ его душѣ къ памяти Вѣры Федоровны. Настоящее же выступленіе — болѣе чѣмъ нетактично: оно некрасиво.

По адресу г. Евреинова и его друзей въ моей книгѣ (стр. 116) сказано:

„Какъ далеки, какъ безконечно далеки были эти слѣпые люди отъ пониманія души прекрасной артистки. И какъ должно было тяжело было Вѣрѣ Федоровнѣ переживать среди нихъ трагедію своего духа!“

Дѣйствительность слишкомъ наглядно подтвердила справедливость этихъ моихъ словъ.

Н. Туркинъ.

28-го ноября, 1910 г.

Московская Газета. Москва 1910. 29 ноября.